

ШАНСЫ И ПРЕДЕЛЫ АГРАРНОГО СОЦИАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. Хильдемайер (ФРГ)

С самого начала история социалистической революционной партии в России виделась через перспективу альтернативы марксизму и в особенности большевизму. Социалисты-революционеры были, по крайней мере, численно, самой сильной партией в лагере, оппозиционном автократии. Как предтечи аграрного пути к новому обществу, основанному на существующих общинных структурах в деревне, они представлялись естественными выразителями чаяний бедного и среднего крестьянства. Они могли утверждать, что за их плечами стоит длинная традиция крестьянского протеста. У них были все основания считать себя последователями основных течений в классическом популизме. Они имели сильную поддержку среди радикальной интеллигенции, предлагали иную цель для социоэкономического и политического развития России, будущее, которое обещало свободу и экономическое развитие посредством разновидности общего распространения коммунального принципа на все сферы социоэкономической и политической жизни. Это было, несмотря на многие марксистские ингредиенты, добавленные Черновым, местной, доморощенной утопией. В этом заключались, как представляется, существенное преимущество и обещание более органического развития вследствие большей непрерывности внутри предполагаемого изменения, хотя такое изменение должно было принять форму вполне развившейся революции.

С конца 70-х годов в западной литературе наблюдалась все большая озабоченность по вопросу альтернатив, относительной отсталости, структурной гетерогенности и другим концепциям. По некоторым базисным проблемам, как представляется, был дан ответ; вокруг других ведутся дискуссии. О.Х. Радки в своем монументальном и до сих пор не превзойденном двухтомном исследовании показал, что социалисты-революционеры в 1917 г. забыли о своем собственном прошлом и не смогли решить главные проблемы мира, земли и хлеба. Более чем десятилетие спустя Моррин Перри изучала деятельность этой партии среди крестьянства до и в период первой российской революции. Она пришла к заключению, что, в конечном счете, социалисты-революционеры не смогли осуществить свою цель быть авангардом трудового крестьянства, потому что трудно было осуществить прием крестьян в постоянные члены партии. Несколько лет спустя автор настоящей статьи сделал попытку выявить разновидность структурного подхода к проблеме анализа партийной программы, тактики и политической практики эсеров в ее связи со всем социоэкономическим и политическим развитием. С тех пор внимание направлялось в основном на партийную социальную структуру. В отличие от ранних утверждений Кристофер Раис продемонстрировал, что социалисты-революционеры набирали своих членов в большей степени среди городских рабочих, и в особенности среди квалифицированных. Майкл Меланкон высказал такую же точку зрения, по-

видимому, подразумевая, что социалисты-революционеры были, подобно социал-демократам, даже *преимущественно* партией рабочих и интеллигенции.

Но, конечно, даже, несмотря на определенное воздержание от общих подходов, остается более обширный вопрос о возможной альтернативе. В Советском Союзе он приобрел большую актуальность, чем когда-либо ранее. Поэтому целесообразно осветить несколько моментов, которые могут относиться к делу. Эти моменты связаны с программой, политической стратегией и организацией "неопопулизма" между двумя революциями 1917 г. и учитывают результаты недавних авторских исследований.

Политическая программа и тактика

Хотя социалисты-революционеры призывали к "социализации промышленности", их основным требованием явно была социализация земли. Его особая важность подчеркивается уже тем фактом, что *социализация земли* была частью, так называемой программы-минимум, в то время как *социализация фабрик и заводов* была отложена на более позднюю стадию революционного процесса. Менее очевидным является ответ на вопрос о том, изменилось ли и каким образом это существенное требование с течением времени до решающих месяцев между февралем и октябрём 1917 г. Официально социалисты-революционеры сохранили, подобно либералам, старую программу, которую принял первый партийный съезд в январе 1906 г. Но, конечно, имели место новые интерпретации старых лозунгов и требований. Социалисты-революционеры были иной партией в 1917 г., что никак не проглядывалось в их теории и тактике.

Дискуссии и переориентация начались немедленно после первой революции. Лидеры социалистов-революционеров пытались, как и их соперники во всех других оппозиционных партиях, почерпнуть уроки из предшествующего опыта. Так называемый центр нашел, что эта программа выдержала испытание. Но растущая и становящаяся все более и более влиятельной группа считала, что реформы Столыпина требуют отклика в партийных концепциях о будущем страны. Конечно, *община* должна оставаться основой и ядром социального и экономического порядка в деревнях. Принципом аграрной реформы и земельного перераспределения также должно быть "равное пользование" землей всеми работниками, которые будут возделывать ее своими руками. Но статьи Вичляева, Ракитникова и Авксентьева показали явную тенденцию воспринимать деревенское общество как общество малых и средних собственников. Хотя эти авторы избегали понятия *собственность* и использовали термин *общенародное достояние*, официальное использование которого было введено Черновым, все более и более обозначающее постоянное право пользования: де-факто исчезало отличие между этим понятием и собственностью.

Война остановила эту дискуссию. Более важными стали другие вопросы, в особенности вопрос о пацифизме или "оборончестве". Несомненно, что различные ответы на эту фундаментальную проблему были наиболее главной причиной растущего раскола внутри партии. Также было ясно, что раскол между левым крылом, правым крылом и позднее центром шел вдоль тех трещин, которые стали заметны еще до начала войны и которые были вызваны различными уроками от революции. Отношение к войне, хотя оно было крайне важно, было лишь одним из обсуждаемых вопросов. Этим можно

объяснить горячие дебаты относительно продолжения войны и условий мира после февраля. Но оно не дает никакого ответа на вопрос, почему продолжался разлад, в конечном счете, по всем главным политическим проблемам, в особенности относительно содержания аграрной реформы. Эти аргументы имели более глубокие корни и более широкий базис. Война, как представляется, явилась лишь катализатором.

Трудно точно определить причины такого изменения в фактическом содержании программы социалистов-революционеров. Известно, что внутри партии не было постоянного, явно выраженного мнения по этому поводу. Но можно вывести некоторые предположения из характера этого изменения и общего развития.

1. Есть свидетельства для предположения о том, что новые "консерваторы" внутри партийного руководства были убеждены в том, что реформы Столыпина оставят заметный след в деревне. Эти деятели начали свою теоретическую и тактическую переориентацию под воздействием первого успеха реформ. Они явно представляли в скором будущем иную структуру сельского общества и экономики, которая приведет, если не к экономическому улучшению, то, весьма вероятно, к уменьшению крестьянского протеста. То, что, по их мнению, уже стало ясным вследствие неудачи ожидавшегося "большого шторма" в 1906 г., было вызвано теми изменениями, которые последовали: крестьянство более нельзя считать революционным *по преимуществу* - оно стремится к фактическому владению землей, хотя и внутри рамок *общины*, и аграрную революцию следует заменить аграрной *реформой*.

2. Есть веские причины считать, что эта точка зрения о структурном и политическом изменении в деревне соответствовала общему движению к прагматизму. Большая часть лидеров умеренного или крайне правого крыла внутри партии социалистов-революционеров в 1917 г. принадлежала к новому поколению. Оно приобрело свои первые качественные характеристики во время первой революции, но получило свои решающие политические впечатления после окончания массового движения в эру конституционализма. Эти люди росли вместе с новыми институтами политического выражения, вместе с парламентаризмом, хотя и ограниченным в своих компетенциях, с партиями, с прессой, хотя и частично запрещенными, с профсоюзами, с читательскими клубами, ассоциациями

взаимной помощи и другими формами того, что они называли *трудовой общественностью*. Их базис выражался в следующем: эти новые институты и формы организации следует использовать. Это, кроме того, было заключением, которое некоторые из подающего надежды молодого поколения могли также получить от своего опыта в качестве студентов в Германии. Вряд ли было случайностью, что Зензинов, Абрам Гоц, Авксентьев, Фундаминский и другие были сторонниками неокантианской философии с ее связями с реформистским крылом германской социал-демократии.

3. Оливер Радки указал на важное значение личных отношений и личный фактор для понимания политики социалистов-революционеров в 1917 г. По его мнению, лидеры социалистов-революционеров совершили свою главную ошибку, когда возобновили свое старое требование социализации земли и позволили, по его словам, чтобы их увлекли на меньшевистские "задворки". Дружеские отношения между ведущим "правым" крылом меньшевиков и их двойниками в партии социалистов-революционеров действительно сыграли ведущую роль. Но они были основаны на общих убеждениях и концепциях о

ближайшем будущем. В конечном счете, главную причину для такого легкого понимания следует искать в *адаптации* теории и практики социалистов-революционеров к политическим и социально-экономическим изменениям в России со времени после первой революции, т.е. вестернизации, в особенности в политическом процессе, и системе, которая продвигалась вперед, несмотря на все остатки традиции. Эта адаптация заставила правое крыло социалистов-революционеров в 1917 г. колебаться в отношении черного передела, который шел в деревне, и привела их к принятию взгляда на современную стадию революции как на стадию буржуазной демократии и капиталистического порядка, которую надо продолжать и развивать.

В перспективе следовало задаться вопросом о том, является ли эта адаптация адекватной и открывает ли она шанс для органического, ненасильственного пути развития в соответствии с уже идущими процессами. Судя по недавно вышедшей западной литературе, ответ должен был быть предпочтительно (в отличие от последних десятилетий) положительным. Новые исследования о крестьянской экономике перед первой мировой войной показали, что широко распространенный взгляд о постоянном, всеобъемлющем и даже углубляющемся кризисе должен быть, по крайней мере, модифицирован. Дела в сельском хозяйстве шли лучше, чем это ранее считалось. Четвертое сословие в значительно большей степени содействовало увеличению роста производства в России (П. Грегори). Крестьянская экономика была намного более гибкой, чем утверждалось, преодолела монокультуру хлебных злаков, на которой экономисты и представители статистики продолжали сосредоточивать свое внимание. Поэтому вполне справедливо, что *семейная экономика*, описанная Чаяновым, Челинцевым, Огановским и другими, должна была на своем пути развития стать типичной формой сельскохозяйственной организации в русской деревне. В то же самое время эта семейная экономика, обходящаяся без наемного труда, маргинальная по отношению к рынку, достаточно гибкая вследствие самоэксплуатации и в большой степени самокупаемая (в смысле Вихляева), была, конечно, идеалом нового видения социалистами-революционерами будущей структуры крестьянской экономики. Этот тип был укоренен в *общине* и довольно близко соответствовал реальностям средней формы крестьянского хозяйства во время нэпа.

Более пристальный взгляд на *социальную структуру* партии социалистов-революционеров приводит к сходным заключениям.

Как социальный орган, правое крыло партии с самого начала было отмечено определенным противоречием. Очевидно, что социалисты-революционеры считали себя главным образом, хотя не только, авангардом крестьянской революции. Прежде всего, они хотели привлечь и организовать крестьян. Не случайно основание *крестьянских братств* в Тамбовской губернии относится к первым идеализированным делам неопопулистских групп в конце 90-х годов XIX в. Вместе с тем имела место в равной мере сильная традиция, унаследованная от "Народной воли", организации рабочих *кружков* и сосредоточения на политической агитации в городах. Однако до сих пор нельзя окончательно решить, до какой степени социалисты-революционеры могли в действительности привлечь крестьян к своей партии. Статистические данные из хорошо известного списка общества *политкаторжан и ссыльно-переселенцев* и из архивов *заграничной охранки*, которые использовали Моррин Перри, автор настоящей статьи,

привели к заключению, что процент крестьян (в профессиональном смысле), которые были действительно вовлечены в некую разновидность партийной работы, был относительно низок.

Новые советские исследования, по всей видимости, показывают, что наши данные были недостаточно точными и дали превратную картину. На основе информации от более чем 20 тыс. лиц, которые были записаны как члены разновидности партийного комитета, относительная доля крестьян оказалась равной 45% (М.И. Леонов). Конечно, следует принимать данную и соответствующие цифры, так как они являются более важными в статистическом смысле. В то же время можно предположить, что оба эти вычисления необязательно противоречат друг другу. Данные М. Перри и собственные авторские отражают условия на другом уровне партийной деятельности и в других регионах. Они явно сосредоточены на крупных городах Европейской России, в особенности на обеих столицах, и на более высоких уровнях партийной организации, в особенности на городских, областных комитетах и центральных институтах. Поэтому, по всей вероятности, правильным остается утверждение о том, что, чем меньше было представительство крестьян в партии социалистов-революционеров, тем более важную функцию выполняли соответствующие комитеты.

Одновременно данные показывают, что процент рабочих на разных уровнях, за исключением лишь центральных организаций, был удивительно высоким (Перри - 45%, Леонов - 43%, Рич - 29%). Недавнее исследование относительно агитации партии среди рабочих подтверждает эти цифры. Они показывают, что партия социалистов-революционеров была, судя по социальному составу своих активистов, в такой же степени рабочей, как и крестьянской. Это наблюдение представляется парадоксальным лишь на первый взгляд. В действительности обнаруживается, что имеются веские причины для такого результата: агитаторы социалистов-революционеров были выходцами из городской интеллигенции; их основной сферой деятельности были города и более низкие категории городского населения. Довольно трудно было агитировать, особенно организовывать крестьян, при наличии дальних расстояний и недостатка персонала внутри партии. И если разъездные агенты порой и могли организовать партийную ячейку в деревне, шансы на то, что она просуществует долгое время, были невелики.

В рабочей среде имела место определенная организационная непрерывность на ступенях ниже центральных и *областных* партийных институтов. Конечно, данные Крис Раис и собственные авторские ведут к предположению о том, что социалисты-революционеры не смогли значительно преуспеть в профсоюзном движении. Большая часть союзов продолжала контролироваться меньшевиками, а с 1912 г. - большевиками. Социалисты-революционеры контролировали лишь немногие центральные комитеты профсоюзов, в особенности профсоюз железнодорожных рабочих и союз клерков в почтовых и телеграфных офисах. В то же время представляется неправильной мысль о том, что социалисты-революционеры находили особую поддержку среди "белых воротничков" и работающих по найму рабочих. Наоборот, они имели стабильные связи среди рабочих-металлургов в Санкт-Петербурге и Москве, рабочих-нефтянников в Баку. Среди железнодорожного персонала они организовывали преимущественно не служащих и инженеров, а работающих "синих воротничков". В то же самое время на забастовочных

митингах и собраниях резолюции социалистов-революционеров помогали проводить не неквалифицированные рабочие (например, на текстильных фабриках), а квалифицированные и городские рабочие. По существу партия социалистов-революционеров среди рабочих в столицах черпала силы из тех же социальных источников, что и большевики. Итак, проявляется характерная черта рабочего социалиста-революционера - он сохраняет тесную связь с деревней и деревенскими социальными системами (*землячества*). В то же самое время он был и не "отчужденным", а хорошо адаптированным к городу и фабричной обстановке.

Если мы сведем все эти данные вместе и вспомним, что партийное лидерство, конечно же, как и во всех радикальных партиях, исходило от интеллигенции, то придем к следующему заключению: партия социалистов-революционеров действительно была, как это было заявлено в ее программе, *единственной* оппозиционной партией, которая могла мобилизовать активную поддержку, как от рабочих, так и от крестьян и интеллигенции. Ее сердце находилось, так сказать, в деревне, но ее тело было привязано к городу. Это была партия с наибольшими шансами преодолеть препятствия критического разрыва между городом и деревней.

Организация

В одной из своих передовиц Чернов писал, что партия без солидной организации является беспомощной. Он понимал то, что было названо организационным императивом современной политики. Этот императив еще сильнее был при данных специфических ограничениях легальной деятельности и общего низкого уровня социальной самоорганизации царской России. Все партии, в большей степени даже консервативные, чем оппозиционные, сталкивались с проблемами в осуществлении решающего перехода от политического и социального движения к партии с относительно твердой организацией. По мнению автора, данные свидетельствуют о том, что социалисты-революционеры осуществили эту трансформацию с меньшим успехом и, в особенности с меньшей прочностью, чем социал-демократы. Они были способны создать сложные организации на различных уровнях - от местных ячеек до Центрального комитета, в особенности в 1906 г. Но вряд ли осталось что-либо после 1908 до весны 1917 г.

Наиболее важные причины этого следующие: 1) за исключением центральных организаций за рубежом, относительно стабильными организациями всех революционных партий между революциями были лишь профсоюзы. Как уже упоминалось, у социалистов-революционеров были свои сторонники в профсоюзах, но в целом в меньшем количестве, чем у их соперников; 2) дело Азефа в 1909 г. нанесло фатальный удар почти всем организациям социалистов-революционеров в Европейской России. То, что оставила там охранка, было следствием отхода рядовых членов партии от партийной работы как реакции на такую гигантскую измену; 3) социалисты-революционеры более яростно преследовались политической полицией, чем социал-демократы, так как они считались более опасными. Именно они убили великого князя и нескольких министров, а не их марксистские соперники. Но, помимо этих препятствий, имела место гораздо более глубокая причина для отсутствия организационной стабильности и непрерывности партии социалистов-революционеров. Несмотря на слова

Чернова, организационная работа не получила высокой оценки среди тех, кто провозгласил себя наследниками "Земли и воли" и "Народной воли". Типичный социалист-революционер, он считал ниже своего достоинства заниматься неблагодарной рутинной работой по "экономической" агитации в кружках, предпочитал более заметные и прямые формы воздействия. Терпеливая и тихая, утомительная работы в подполье не являлась его любимым занятием.

Вследствие этого организация социалистов-революционеров в меньшей степени несла на себе отпечаток своего политического окружения. Хорошо известным и убедительным является аргумент о том (автор прочитал его недавно в "Вопросах истории"), что высокоцентрализованная большевистская организация была в определенной степени дополнительной копией политической структуры автократии. Организация социалистов-революционеров была иной. Она унаследовала как часть популистского наследия сильный федералистский компонент, который соответствовал общей концепции о государстве и обществе как о пирамиде самоуправляющихся единиц. Справедливо, что демократические выборы и процедуры принятия решений могли осуществляться лишь в относительно короткие периоды существования партии, в строгом смысле слова лишь в 1906 и после февраля 1917 г. Однако эти внешние препятствия не вели к разновидности обычного подчинения более низких органов центральным. Политический характер и культура партии социалистов-революционеров и неопопулизм как социальное и политическое движение в целом оставались федералистскими, децентрализованными, даже местными, поэтому коллективистскими с ясной близостью к синдикализму. Характер партии был определенно не авторитарным. В этом отношении социалисты-революционеры также предлагали альтернативу для русского будущего политического порядка.

* * *

Само собой разумеется, что та форма и деятельность, которую партия социалистов-революционеров проявила в 1917 г., лишь в ограниченной степени может быть понята и объяснена на основании анализа предшествующих лет. Главные решения были приняты в летние месяцы 1917 г. Индивидуальные дарования и недостатки, личные связи и соперничество (например, трения между Черновым и умеренно правыми), случаи (например, преждевременная кончина некоторых ведущих революционеров, таких, как Гершуни, Михаил Гоц и Слетов) сыграли решающую роль. Та политика, которая вела к отчужденности, как активных рабочих, так и большей части крестьянства, была определена и реализована после мая 1917 г. Справедливо также сказать, что партия социалистов-революционеров, подобно ее соперничающим оппонентам, пережила глубочайшее возрождение в условиях политической свободы. Многочисленные новые члены влились в ее местные комитеты. Впервые в 1907 г. она превратилась в массовую партию. Многие свидетельствуют на то, что в численном отношении социалисты-революционеры стали самой сильной партией в 1917 г., насчитывающей до 1 млн. членов. Хорошо известны внушительные цифры списков избирателей до конца августа. Часто поднимался вопрос о том, почему социалисты-революционеры потеряли то широкое доверие, которым они явно пользовались среди масс. На этот вопрос нельзя ответить лишь на основе анализа события 1917 г. Многие решения уже были приняты,

события развивались так, что они предопределили доминирующую политику и борьбу внутри партии.

1. Первым, о чем следует упомянуть, является тот раскол, который, как пытался показать автор, восходит даже к предвоенным годам. Он привел не только к образованию левого крыла, которое сравнительно быстро зажило собственной жизнью. Более важным было возвышение умеренно правой группы, которая определяла политику в 1917 г.

2. Эти умеренно правые отказались от базисных принципов и форм деятельности, составлявших основу партии со времени первой революции. Они призывали к окончанию террористических актов, замене аграрной революции аграрной реформой, замене социализма для ближайшего будущего либеральной демократией. Такое изменение сформировало основу для политической коалиции 1917 г.

3. Можно наблюдать определенную непрерывность в потере институциональной силы. В 1917 г. организация все еще была предметом словопрений, а не дел. Партия могла собрать громадную численную поддержку, но не была способна мобилизовать одно армейское подразделение для защиты собственного правительства и конституционного собрания.

Радки заключил первый том своего исследования, упрекая социалистов-революционеров за этот поворот к законности. Он усмотрел источник партийного "несчастья" в "несоответствии между ее названием и ее сущностью" (с. 468). Политическая некомпетентность Чернова усугубила это несоответствие, он оказался человеком слова, а не дела. Советские авторы (Гусев-Ерикян, Гинев, Гармиза) легко могли бы присоединиться к этому вердикту, так как все они считали социалистов-революционеров представителями "мелких слоев буржуазного класса", у которых не было иного выбора, как стать контрреволюционерами.

Западные же рецензенты упрекают Радки за его фактическое оправдание большевистского переворота и его эмоциональное суждение, проистекающее вследствие его разочарования этими борцами, которых он хотел бы видеть героями, но которые не были таковыми. Джон Кип предположил в качестве альтернативного объяснения неудачи социалистов-революционеров их неспособность подняться до "искусства управления государством". Может быть это справедливо, но мало дает нового и подчеркивает лишь частный фактор. Александр Гершенкрон, близкий к популистской традиции, увидел в них отсутствие политической силы как следствие "трагического подчинения реализма утопизму", т.е. как следствие их отказа принять индустриализацию как наиболее важную императиву для российского будущего. Если утверждение Радки справедливо, что правое крыло доминировало в политике социалистов-революционеров в 1917 г., то не может быть никакого разговора об утопизме в понимании Гершенкрона. И даже фракция Чернова давно уже примирилась с "мягкой" формой индустриального развития.

Если была альтернатива тому пути, который, в конечном счете, был избран, он должен был быть найден в сотрудничестве левого и правого центра социалистов-революционеров с меньшевиками и, может быть, с левыми кадетами, включая вначале даже правое крыло большевиков. Лишь широкая коалиция от центра до умеренных левых могла решить жизненно важные проблемы лета и осени 1917 г., если нужно было избежать какого-либо вида диктатуры. С того времени осталась основополагающая проблема преодоления критического разрыва между городом и деревней и нахождения

сбалансированной стратегии для параллельного развития промышленности и сельского хозяйства. Если недавние исследования относительно сельского хозяйства окажутся правильными, эта проблема могла быть разрешена даже под демографическим давлением. Единственной партией, которая по своей социальной структуре и фактически модифицированной программе могла служить как форум выражения интересов всех основных групп, была партия социалистов-революционеров, за исключением крайне левых. В том случае если эксцессы насилия наступающих десятилетий имели свои корни в противоречии между действительным уровнем социально-экономического развития и социалистическими целями с их соответствующими структурами - тогда идеал социалистов-революционеров аграрного сектора, основанный на семейной экономике, бедном и среднем крестьянстве и разрешающий кустарничество, обещал быть более подходящей целью. Ему не хватало, конечно, признания необходимости для России большой индустрии, которое смогло проявиться под влиянием других партий. Дилеммой России была заметная неравномерность ее политической и социально-экономической структуры. Плюрализм как средство баланса различных интересов был единственным шансом ее преодоления, а не та внутренняя война, которая была объявлена Апрельскими тезисами.